
КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Дискуссия по статье Л.А. Булавки «О диалектике трансформации советской культуры в российский постмодернизм»

Гульнара Аитова, главный редактор газеты «Молодежная Трибуна Тюменской области», студентка Института политических наук ТюмГУ.

Вначале мне бы хотелось сказать, что инициаторами обсуждения статьи доктора философских наук Л.А. Булавки «О диалектике трансформации советской культуры в российский постмодернизм» стали редакция газеты «Молодежная Трибуна Тюменской области» и Тюменское молодежное отделение Российской ассоциации политической науки. Выбор именно данной статьи на обсуждение мною сделан в основном по двум причинам. Во-первых, на мой взгляд, сегодня обществу России необходимо объективно осмыслить советский период истории страны. Во-вторых, Л.А. Булавка в статье поднимает проблематику человека как субъекта истории. Я думаю, что этот момент важен для понимания роли человека в общественных процессах в России.

Андрей Семенов: Мы будем обсуждать статью по тезисам, или высказывать общее впечатление о статье?

Гульнара Аитова: Я думаю, что можно и по тезисам, и представлять общее впечатление по статье. Поначалу мне показалось, что те тезисы, которые я сформулировала в общем виде, отражают структуру и проблематику статьи. Статья была взята с сайта «Альтернативы», общественного движения, на котором размещены различные материалы, статьи ученых, экономистов, философов, как мне кажется, кто занимается проблематикой развития социализма в современной России.

Андрей Семенов: Более того, в Новосибирске они проводят социальный форум и еще много мероприятий, которые касаются не только политики, но и экономики. Но самая главная идея, которую они проповедают - это возможность альтернативного развития не только России, но и стран мирового сообщества.

Алена Тушнолобова, студентка Института политических наук ТюмГУ.

Хотелось бы высказаться по первому тезису. Мне кажется, большевики имели желание выразить с помощью культуры энергию народа и направили ее в нужное русло. Об этом в статье говорится, что не стоит преувеличивать и не стоит недооценивать роль большевиков, поскольку того, что они сделали - они позволили энергии вылиться в культуру. Я думаю, идеал Революции социалистической - можно сказать, что сошлось время и место, когда у людей появилась возможность что-то сказать. Разве не об этом статья?

Андрей Семенов: Я бы здесь поспорил с тезисом о том, что они хотели «что-то сказать». Это неопределенно звучит - они и раньше хотели что - сказать.

Алена Тушнолобова: Но этот период, когда прорвало - чтобы не погасить, большевики решили энергию направить в культуру, но я не знаю: делали это сознательно, несознательно. Мне кажется, скорее это не то, что делается сейчас, чтобы усмирить протестные настроения специально проводятся собрания от власти, чтобы это погасить.

Андрей Семенов, руководитель Молодежного отделения РАПН, преподаватель кафедры политологии ТГУ.

Мне кажется: статья, действительно, об оценке исторического мирового значения Великой Октябрьской революции. Однако сейчас идут активно дебаты среди историков: что это было переворот, кардинальные социальные изменения или это всего лишь большевики играли на настроениях масс, которые естественно всколыхнулись? Действительно, 1917 г. был как раз той эпохой, когда «прорвало», как взрыв, создавалось огромное количество советов, когда люди сами самоорганизовывались, брали свою жизнь в свои руки.

В конце концов, большевики, сыграв на настроениях, и тут надо дать политическую оценку: на самом ли деле они имели в виду захват власти и установление диктатуры пролетариата, которое, кстати, в статье оценивается положительно? Я как понимаю, Булавка полагает, что если бы продолжалось то хаотичное движение, то это привело к распаду, а не собиранию. Либо же у большевиков не было никакой идеи, все стихийно получилось, и вот они пришли к власти случайно, чем закономерно?

Вот вопрос личностного плана: импонирует ли Вам такое понимание революции, или нет? В душе Вы с ним согласны, или нет? Потому что, действительно, событие, неоднозначное; событие, которое вывела на другой путь развития страну, нежели путь социального развития западных стран. У них либеральные права, у нас социальные права; у них в первую очередь - человек, у нас - общество. Какие искажения не были, но вообще идея была такая. И, я думаю, еще стоит обсудить вопрос: действительно ли это было социальное творчество, насколько это было всплеском социальной активности, либо же это были, как сейчас принято говорить, политтехнологии - большевики организовали масс и повели их куда надо.

Алена Тушнолобова: Я хочу сказать, что было все - желание сказать что - либо, а возможность что - то делать появилась при большевиках, в техническом плане это так и было. Сейчас возникает вопрос были это политтехнологии, или все протекало стихийно? Но мое мнение в том, что это была некая смесь.

Андрей Семенов: Как Вы считаете, идеалы Октябрьской революции послужили основой формирования советской культуры, или она сложилась гораздо позже?

Алена Тушнолобова: Я думаю - все зависит от того, когда появился социальный заказ. Почему именно в это время - я не знаю.

Андрей Семенов: Во-первых, война; во-вторых, противоречия между мировым капиталом и рабочим движением; передел рынков сбыта.

Сергей Мозжегоров, студент Института политических наук ТюмГУ.

Мне бы хотелось задать вопрос, дело в том, что я не успел до конца прочитать статью, о какой универсальности идет речь и каково понятие советской культуры?

Андрей Семенов: У Булавки есть два момента - коммунистический идеал и социалистическая идеология. Эти два момента характеризуют советскую культуру как культуру универсальную. Все идеологии - либерализм, консерватизм, социализм направлены на то, чтобы всеохватно объяснять явления мира. По мнению Булавки, советская культура, видимо, характеризуется стремлением к коммунистическому идеалу и продуманной социалистической идеологии. Я не знаю, почему она здесь конкретно не разъясняет, что она подразумевает под коммунистическим идеалом. Но в статье один есть тезис «осознание поднявшимися массами своих реалий и интересов как общественных и классовых интересов». Потом в дальнейшем, если читать, она пишет, что сейчас в России триумф частного человека, и как раз в советской культуре не было примата частного интереса. В ней как раз было стремление создать общественный идеал: создание таких условий, когда интересы не только человека, но и общества учитываются, я думаю, что это и есть коммунистический идеал. Конечно, возникает вопрос - что такое советская культура в понимании Булавки?

Гульнара Аитова: В том числе, социальное творчество, которое предполагает создание практик общественных отношений, и, безусловно, художественное творчество.

Сергей Мозжегоров: То есть о той культуре, о которой мы сейчас говорим, она тем не менее формировалась сверху, то есть путем насаждения?

Андрей Семенов: Нет, по мнению Булавки, это не было бы социальным творчеством, хотя, конечно, спорный тезис.

Алена Тушнолобова: Да, спорный тезис, но она же говорит, что единственно чем большевики помогли, так это то, что они понимали народ.

Сергей Мозжегоров: То есть они поняли чего народ хочет? По каким принципам?

Алена Тушнолобова: В статье есть тезис: «историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения в энергию социального преобразования».

Андрей Семенов: Правда, потом она пишет, что трудно сказать, что народ стал культурным. Сергей Мозжегоров: Это же политика сверху, по сути.

Гульнара Аитова: Она рассматривает период после революции, 20-е гг. XX в., когда массы восприняли момент революции, то есть до того периода, когда большевики начали учреждать свой репрессивный аппарат, еще до культа личности Стали-

на. Кстати, в статье она пишет, что период культа личности Сталина, далее брежневский период в принципе сломал социальное творчество. По сути, это выразилось как следствие в опыт российского постмодернизма.

Андрей Семенов: В статье подчеркивается: «Социалистическая идеология, будучи убеждением в 20-е годы, характеризующиеся взрывом социального творчества, уже в сталинский период постепенно превращалась в некий род веры. В брежневский период идеология окончательно трансформируется в систему ритуалов и обрядов, поначалу активных и искренних, но потом все более и более вялых, а к началу 90-х гг. в обществе побеждает "идеологический нигилизм", отрицающий любую идеологию вообще». Вот так.

Гульнара Аитова: В целом, можно перейти к вопросу о субъектности в культуре? Андрей Семенов: Слова страшные, что подразумевается под субъектностью?

Алена Тушнолобова: Допустим, плакаты помните «Мать родина зовет!». То есть культура была направлена на человека, когда ваши настроения проявляются в культуре. И сейчас приходя на выставки, всегда ли Вы догадаетесь о том, что хотел сказать автор?

Гульнара Аитова: Имеется в виду, что субъектность в культуре проявляется, когда человек становится неким актором, пытающийся создать что-либо, внести свое понимание действительности. Опять же опираясь на исследования Булавки, для нее таким субъектом выступал В. Маяковский. Субъектность в плане человека, играющего свою роль в истории.

Сергей Мозжегоров: Кроме Маяковского, были другие поэты, которые в иных рамках осуществляли свое творчество. Тот же Есенин - укладывается ли он в рамки советской культуры, или может быть он не укладывался в эти рамки? И то, что случилось в 20-е гг. с нашей интеллигенцией - отправили на пароходе, их выслали из страны. Может быть, это было сделано, потому что они не соответствовали этой советской культуре, которая формировалась? Можно ли об этом говорить?

Андрей Семенов: Вообще, статья Булавки идеализирована, она написана скорее в духе не марксизма, а гегельянства. То есть она достаточно метафизично оперирует не совсем очищающими фактами действительности. Можно сказать просто, что Булавке кажется, что так оно и было, поэтому так оно и было. С другой стороны, существует ряд фактов, которые опровергают эту теорию. Но проблема в том, что теорию Булавки можно опровергать фактами, но ее на самом деле нужно опровергать теми же идеями. У нее есть идея, которую исповедуют не только она, но и Бузгалин и все альтернативы. Идея в том, что современные рыночные отношения, постмодернизм не удовлетворяют нормам общественного идеала, ведут к распаду, к деградации. А вот есть идеал социалистический, в котором общество, не забывая об интересах индивида, в то же время продуцирует какие-то общественные идеалы и, в конце концов, ведет их туда. Поэтому аргумент типа: «А как же быть с высланными

философами на пароходе?», - для нее не работают постольку, поскольку для нее важнее не только социальное творчество философов: если они не пошли на контакт - она пишет, что революция 1917 г. заставила массы и интеллигенцию пойти на контакт, встретиться. Одних из салонов вытолкнула, других из трущоб, если они не пошли на контакт, наверное, сами и виноваты, что не смогли помочь людям, своим согражданам, соотечественникам выбраться из той ямы, в которую они попали, из ямы Гражданской войны, бедности, разрухи. С другой стороны, сами большевики их помощи не хотели. Тут сплошная диалектика, противоречия, которые привели туда, где мы сейчас есть.

Алена Тушнолобова: Я хочу высказать свое мнение, сейчас ведь то же существуют разные культуры, и нет более или менее популярного мнения. И в то время тоже то, что было новое было популярно, а то, что не новым старались избавиться. Сейчас так же многих художников не признают, их «отсылают», стараются не вспоминать. Поэтому не думаю, что стоит говорить, что философы не были культурой, просто они не вписывались.

Андрей Семенов: Нет, а я не говорю, что они не были культурой.

Сергей Мозжегоров: Все же они оказывали влияние на общественное движение, тех же самых диссидентов, иных групп по отношению к политическому режиму.

Алена Тушнолобова: Мне кажется, никого риска они не несли, просто они не были популярны.

Сергей Мозжегоров: Вы думаете - никакого риска?

Алена Тушнолобова: Мне кажется, нет. Потому что в свое время многие знаменитые художники были изгнанниками, прежде чем их картины начали ценить.

Андрей Семенов: Это не только в Советском Союзе было.

Алена Тушнолобова: Конечно.

Сергей Мозжегоров: Ну, хорошо, если Вы о художниках говорите, а если брать тех же поэтов, ту же Ахматову, которая на самом деле пользовалась огромным уважением и популярностью у советского народа, когда были ее выступления, весь зал вставал на ноги. То есть на тот момент она уже имела, скажем так, вес. Но, несмотря на это, вспомним - какое к ней было отношение власти. Я все это говорю к тому, что определенные представители интеллигенции были популярны, но подавлялись сверху властью, и не было у них возможности влиять как - то.

Андрей Семенов: Мне кажется, и тогда власть, и сейчас, и в 20-е гг. власть сконцентрирована на централизации властных полномочий, усилении аппарата. Безусловно, любой идеологический плюрализм означает подрыв центра как такового. Во время Гражданской войны большинство населения не считало большевиков единственной легитимной силой. Сейчас центральная власть населением признается легитимным, но идеологический плюрализм не допускается, поскольку власть понимает, что ее обоснования слабы. Тогда ей не нужны другие люди.

Лилия Юлдашева, студентка Филологического факультета ТюмГУ.

Булавка о том и пишет, что идеология смешивается с идеалом, политика смешивается с культурой. То есть с помощью культуры, с помощью масс поддерживать идеологию, политику государства.

Сергей Мозжегоров: По моему мнению, здесь идеологии нет, есть политика, которая имеет определенный вектор, курс, который задает что правильно, а что не правильно. Нет конкретных идеологий, скажем, коммунизм, либерализм, а есть государственная идея, которую пытаются воплотить в жизнь.

Андрей Семенов: Я так понимаю, мы расходимся с Булавкой в понимании культуры.

Сергей Мозжегоров: Давайте вспомним ту же выставку 2003 г. «Осторожно религия». Как на нее отреагировали власти? Вспомнить недавно, как экспонаты Федерального агентства по культуре пыталось вывести в Париж - как на это отреагировало Министерство культуры? Политика направлена на то, чтобы не допустить какой - либо альтернативы, контркультуры.

Алена Тушнолобова: У меня то же такое мнение, некая пограничная свобода.

Сергей Мозжегоров: Мне кажется, что сейчас стерлись грани между культурой и политикой.

Мария Бобова, студентка Математического факультета ТюмГУ.

Культура советского времени у меня ассоциируется своего рода с камнем, то есть она была общая для всех, крепкая, единая. Может быть, это спланировало людей, но настолько сильно, так что ее трудно было разбить. Во времена постмодернизма, то что есть сейчас у меня создается впечатление будто этот камень, большой, единый, его раздробили на мелкие частички. Было сказано ранее, что картина была направлена как обращение на тебя. Сейчас не всегда понятно, что автор имел в виду. Мне кажется, что в тех частицах, на которые культура раздробилась, каждый может найти свою культуру. Поэтому если в общем взять нашу культуру, то нельзя охарактеризовать какая она. Под советскую культуру можно было подобрать характеристики, а под нашу - нельзя сказать, какая она. Я не знаю к лучшему это или к худшему, но для человека это шанс найти то, что ему ближе всего, но, с другой стороны, это лишает ощущения единства.

Андрей Семенов: Насколько нам важно лично единство культуры. Как в статье было отмечено - исчез принцип истории: совместно творить историю, творить общество. Теперь у нас у каждого есть свой мир: у Антифа свой, у Путина свой. Это нормально в мире постмодерна, и ненормально в мире советской культуры. Насколько нам важно, чтобы это все распалось на такие частицы, на наши частные интересы? Но это уже, правда, факт, свершенный. Или же нам под слово «единое», столь популярное сейчас, все собирать? А если мы собираем, то на каких основаниях как еди-

ное. На основаниях партии «Единая Россия», или на других основаниях? На этот вопрос нам придется отвечать лично.

Кто-то из наших философов, не припомню, говорил, что признак нашей культуры - единство в многообразии. Не выбирать, а совместить.

Сергей Мозжегоров: Леонтьев.

Гульнара Аитова: Мы должны принять фрагментарность субкультур, или склониться к поиску универсальной ниши?

Андрей Семенов: В том-то и дело, что это индивидуальный выбор. При этом отказываемся от творения истории совместно. Мы создаем определенные комьюнити, кроме них нам больше ничего не нужно. Либо мы создаем некий идеал: и по пунктам перечисляем такое то правительство, такие - то пенсии.

Гульнара Аитова: Своего рода компромисс.

Андрей Семенов: Идеал характеризует желаемое состояние.

Сергей Мозжегоров: Тут смотря, о какой договоренности идет речь. Если приход к чему-то единому, подчинение авторитарной системе, это не договоренность.

Алена Тушнолобова: Поиск консенсуса.

Сергей Мозжегоров: Значит, консенсус, который бы устроил все социальные группы, а для начала необходимо их признание. Многие социальные группы представляются в образе маргиналов, им не дают вливаться в общее гражданское общество. Нужен не такой камень, когда все находились друг с другом, камень не советского образца, а гражданское общество.

Андрей Семенов: Я думаю, что Булавка придерживается идеала, который обладает рациональной и приемлемой формой, то есть коммунистический идеал.

Гульнара Аитова: Все-таки если говорить об открытости общества, то Булавка также подчеркивает идею освобождения, которая была слита воедино с советской культурой. То есть она рушила границы отчуждения человека, именно социальное творчество привело к освобождению человека. Если перенести эту идею в современность, то как нам тут быть с построением открытого общества? А не приведет ли чрезмерная-фрагментарность культуры к тому, что общество замкнется в самом себе? И ситуация отчуждения возникнет вновь?

Андрей Семенов: Фрагментарность культур видна на моделях социального взаимодействия, когда некоторые группы, замыкаясь на своих интересах, не прислушиваются к мнению других.

Алена Тушнолобова: Плохо ли это?

Андрей Семенов: Я считаю, что да. Надо хотя бы слушать критику, чтобы понять, что в моей позиции такого неправильного.

Алена Тушнолобова: Я думаю, столкновение позиций необходимо. Андрей Семенов: Смотри, какой характер это будет иметь.

Гульнара Аитова: Я считаю, что здесь надо определиться с вопросом конструктивности и неконструктивности трансляции идеалов.

Алена Тушнолобова: Мне кажется, конфликтные ситуации и возникают, когда не хотят слушать.

Андрей Семенов: Вчера фашисты Санкт - Петербурга порезали бурятскую девушку. На самом деле это проблема расизма. Наша проблема в том, что общество не говорит: «Ребята, это неправильно». Общество должно базироваться на общности. Чувствуете ли Вы общность с жителями села Бердюжье? Они, между прочим, такие же граждане, как и мы, такой же гражданин в Чечне, житель Дагестана. А вот эти люди не ощущают с ними общности, скорее ощущают антиобщность.

Алена Тушнолобова: Почему Вы считаете, что это антиобщественно? Общество же регулирует, хотя оно и фрагментарно.

Андрей Семенов: Я уверен большинство против расового насилия, но тем не менее, оно существует. Регулятор есть в виде СМИ...

Мария Бобова: Допустим, существует мат. Все это осуждают, что материться плохо. Скинхедов осуждают, потому что это плохо. Многие матерятся, потому что считают, что это круто, раз это запретно. Наверное, скинхеды и исходят из этого, если это запрещено, значит круто.

Андрей Семенов: Есть вопрос, где мы найдем точку компромисса.

Гульнара Аитова: Что касается российского постмодернизма, то здесь хочу признаться с философской точки зрения не до конца еще осознаю это явление. Но, на мой взгляд, идея Булавка в статье более заключается не в полемике о сущности российского постмодернизма, а скорее о том, что человек утратил свое место истории, и как с этим быть современной России?

Алена Тушнолобова: Наверное, тут смысл в том, что мы берем западные модели, и не совсем осознаем, что мы создаем. Получается, что мы теряем культуру.

Андрей Семенов: Чтобы быть субъектом истории, необходимо иметь представление о принципах исторического развития. Для Булавки важно, что в 20-е гг. был создан исторический идеал, социалистическая идеология.

Сергей Мозжегоров: Что Вы подразумеваете под западной моделью?

Алена Тушнолобова: Из-за того, что границы стерлись западные модели проникают повсюду.

Сергей Мозжегоров: Если говорят о социальных группах, то нужно давать четкое понимание этой группы. Когда говорят о скинхедах как о социальной группе, взгляды которой должны проявляться в некоем пространстве, просто это пример деструктивного поведения. Любое насилие должно осуждаться.

Алена Тушнолобова: Мы можем гордо с ними не соглашаться.

Сергей Мозжегоров: Мне кажется, что должен быть признан принцип, принцип прав человека, и реально воплощаться в обществе. Когда об этом задумается госу-

дарство, тогда действия скинхедов и других групп будут пресекаться и осуждаться. И противодействие должно быть.

Гульнара Аитова: Причем это противодействие должно быть асимметричным.
Сергей Мозжегоров: Да, конечно.

Гульнара Аитова: Может у какого-нибудь будут мнения по российскому постмодернизму по статье Булавки, или в целом?

Сергей Мозжегоров: Российский постмодернизм - явление специфическое, и формировалось оно уже в советское время. Тот же Сорокин написал свое произведение «Тридцатая любовь Марины», кажется. То есть в художественной литературе он появился давно. Сейчас постмодерн и его виды является популярным. Есть авторы, которые очень популярны. Общество находится в этом соку, и не читает Достоевского, а читает Минаева, постмодерниста. Соответственно, он влияет на нашу жизнь, как мы живем, на культуру.

Лилия Юлдашева: Понятие «постмодернизм» достаточно неоднозначное. Некоторые считают, что период постмодернизма уже закончен.

Сергей Мозжегоров: Сейчас неопостмодернизм.

Лилия Юлдашева: И надо разделять массовую культуру от постмодернизма...

Сергей Мозжегоров: Но это же часть той массовой культуры, которая существует сегодня. Это же потребление, не чтение книги.

Лилия Юлдашева: Не все произведения постмодернизма массовые. На самом деле постмодернизм возник с крушением социалистических идеологий именно из-за того, что возникла инфляция таких базовых ценностей как ценность личности человека, разума. Постмодернизм включает многообразие, смерть автора - отсутствие субъекта речи. Не могу сказать, что культуру постмодернизма можно однозначно оценивать отрицательно. Она отличается от других, и это в принципе вполне нормально.

Гульнара Аитова: В заключении мне бы хотелось обсудить варианты социального творчества в наше время. Есть ли способы построения коммуникаций между людьми? В принципе, это и есть культура. На Молодежном форуме эта проблема поднималась, что одна из проблем молодежного движения в Тюменской области, это то, что люди не умеют общаться. Какие могут быть варианты установления взаимодействия между людьми? В таком ключе.

Сергей Мозжегоров: Я хочу сказать, что из-за того, что люди не могут найти коммуникацию, смотря в глаза друг другу, все это в интернет-пространство. Там все идет по-иному, люди не видят друг друга. Они могут говорить активно. То есть, с одной стороны, они закрыты от окружающих, с другой - они имеют возможность что-то сказать. Может быть, это следствие социальных условий. Нет возможности куда-нибудь прийти и поговорить.

Мария Бобова: Нет возможностей для отдельного человека проявить себя, внести свой вклад в культуру. Например, парень пишет стихи, но чтобы пробиться, чтобы эти стихи прочитал весь мир, страна дает мало возможностей. Чтобы человек стал субъектом культуры, думаю, нужно создавать организации, которые помогали бы молодым талантам.

Лилия Юлдашева: Существует такая проблема, что общение в интернете влияет на устную речь людей. Люди перестают владеть как монологической, так и диалогической речью.